

А.И. Журавлева

«Родина»

Первый в русской литературе Лермонтов в стихотворении «Родина» сумел разделить понятия «родина» и «государство». Это стихотворение создано в эпоху, когда русская мысль медленно и нелегко завоевывала новое понимание важнейших идеологических категорий, в числе их — новое понимание любви к родине. Смысловый центр «Родины» смещен к заключительным строфам. Там главное открытие Лермонтова. Вся первая строфа — пояснение «странности» того, о чем автор собирается говорить дальше.

Стихотворение начинается с инверсии (нормальный порядок слов был бы — «Я люблю отчизну»). Необычный порядок слов как бы вводит читателя в середину какого-то разговора. Лермонтов возражает. Впечатление, что мы слышим продолжение долгой беседы, усиливается первоначальной непонятностью второго стиха: «Не победит ее рассудок мой». Это — ответная реплика в разговоре, смысл которого проясняется нам в контексте всей первой строфы, по мере того как поэт начинает развертывать свое возражение, а потом и описывать свою любовь.

Итак, первая строфа — возражение. Но есть ли здесь отрицание в том значении, какое мы привыкли придавать этому слову, говоря о поэзии Лермонтова и вслед за Белинским называя ее «поэзией отрицания»? Ответ потребует размышления над тем, *что* же именно и *как* отвергает здесь Лермонтов.

«Ни слава, купленная кровью...» Горестный опыт истории научил русских людей понимать эту фразу в том смысле, что речь идет о крови жертв, пролитой палачами, а не о славе, завоеванной героями, пролившими свою кровь за отечество.

Но не всегда именно это значение было бесспорным и единственным. Лермонтов был не только автором «Валерика», ему принадлежит и «Бородино», стихотворение, в котором рассказано о том, как была завоевана слава русскими людьми предшествующего поколения. И этот героический смысл выражения не мог быть забыт ни поэтом, ни его современниками. Поэтому едва ли в «Родине» могло преобладать «обличительное» звучание поэтической формулы «слава, купленная кровью». Она была, по крайней мере, многозначна.

Еще менее наполним отрицательным смыслом следующий стих: «Ни полный гордо доверия покой...» Скорее всего, речь здесь идет о социальном мире. Ведь покой страны лишь тогда возможен, когда государство чувствует свою военную мощь, безопасность от внешних покушений и вместе с тем вполне уверено в прочности и незыблемости внутреннего порядка. Но такой комментарий все-таки не исчерпывает полностью его содержания, так как не касается того круга положительных ассоциаций, который возникает при слове «покой» у читателя, хорошо знакомого с поэзией Лермонтова. Еще в стихотворении «Парус», классическом воплощении идеи мятежа и вечного поиска, Лермонтов пишет:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Ясно, что ни здесь, ни в дальнейшем в поэзии Лермонтова слово «покой» не имеет бытового значения. Оно служит символическим образом идеала, гармонии человека с миром («Горные вершины», «Когда волнуется желтеющая нива...»). Так звучит слово и в одном из последних стихотворений Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» («Я ищу свободы и покоя!»). Само присутствие слова «покой» в «Родине» придает стиху дополнительное значение, которое невозможно выразить в системе логических понятий. Эта строка — самая загадочная в стихотворении. Реальный комментарий к ней возможен и необходим, но он ни в коем случае не исчерпывает ее смысла.

«Ни темной старины заветные преданья...» — прямая цитата из «Руслана и Людмилы»:

Так, мира житель равнодушный,
На лоне праздной тишины,
Я славил лирою послушной
Преданья темной¹ старины.

Лермонтов добавляет эпитет с явной положительной окраской: *заветные преданья*. Несомненно, пушкинская строчка здесь не случайность. Это кратчайший способ напомнить об отношении всего русского романтизма к историческому прошлому России. Романтики двадцатых годов обращаются к преданьям русской древности, стремясь обратиться поэзию к национальным истокам. Для русских людей того времени «преданья темной старины» были действительно заветными. С 1825 года отношение к истории меняется. Все чаще русские писатели и мыслители задумываются о законах, которым подчинен ход исторических событий, в прошлом ищут не аналогии с современностью, но истоки и причины настоящего. Пожалуй, одно лишь славянофильство продолжает и доводит до логического конца романтическое отношение к истории как к сокровищнице «образцов». Но в отличие от поэтов-романтиков, для которых история — хранилище поэтических легенд, источник примерных героев, славянофилы ищут в «преданьях темной старины» готовые рецепты идеальных, с их точки зрения, отношений — государственных, религиозных, семейных.

Мы видим, что в каждой из трех строк, о которых шла речь, звучит личная, лермонтовская нота. Каждое слово в этих стихах, в сущности, обладает положительным смыслом. Более того, перечисление словно идет от менее «заветного» к более близкому и дорогому: слава, покой, заветные преданья. Впечатление нагнетания, интонационное усиление поддержано и синтаксической структурой отрывка. И вот на самой высокой ноте интонация обрывается:

Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Не вражда, а равнодушие. Не острый спор, а отказ присоединиться. Мы знаем, что Лермонтов умеет выразить свою ненависть. Вспомним хотя бы заключительную строфу «Смерти Поэта»:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки...

Здесь в каждом стихе есть слово, обладающее сильнейшей отрицательной экспрессией, слово-удар, слово-клеймо.

Известна нам и сила лермонтовского сарказма. Стихотворение «Прощай, немытая Россия...» — это инвектива². Здесь Лермонтов сказал обо всем, что вызывает в нем ненависть и презрение к русской жизни. Именно в сопоставлении с такими стихами о России делается окончательно понятна и вторая строка «Родины» — «Не победит ее рассудок мой». Действительно, за что любить «страну рабов, страну господ»? Рассудком этого не объяснишь. «Люблю — за что, не знаю сам», — отвечает Лермонтов.

В «Родине» за каждым стихом начальной строфы стоит, как мы видели, целый мир еще недавно общепризнанных ценностей.

Героическая эпопея 1812 года дала русскому обществу сознание величия России, ее могущества, а народный характер войны создал иллюзию прочного единения всех классов и сословий в целостном государственном организме. Сила оружия была освящена благородной целью защиты родной земли и освобождения народов Европы от армии завоевателя.

¹ Напомним, что слово «темный» в языке того времени нередко имело смысл «неизвестный», «тайнственный».

² *Инвектива* (лат.) — традиционный ораторский жанр, обличающая речь; в широком смысле — вообще обличение.

Однако после декабризма, после его разгрома осознание того, что все Русское государство, весь уклад жизни основаны на чудовищном насилии и несправедливости, не могло не проникать все шире и шире во все слои русского общества. С другой стороны, внешняя политика царизма, ставшего «жандармом Европы», грозившего удушить (и душившего) силой оружия освободительные и демократические движения в Европе, пятнала столь дорогую русским людям славу этого оружия.

И все-таки процесс осознания неправоты, если не преступности всей внешней и внутренней политики своей страны не мог быть простым и быстрым.

В 1839 году появляется стихотворение Хомякова «России»:

«Гордись! – тебе льстецы сказали, –
Земля с увенчанным челом
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом;
Пределов нет твоим владеньям,
И, прихотей твоих раба,
Внимает гордым повеленьям
Тебе покорная судьба.
Красны степей твоих уборы
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озера...»
Не верь, не слушай, не гордись!
Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И пышен хлебом тук степей,
Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись —
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись...

Думается, что лирический герой этого стихотворения и есть тот собеседник, к которому обращается Лермонтов в «Родине». Как видим, содержание, условно выражаясь, критической части сопоставляемых стихотворений совпадает. Разве что Лермонтов лаконичнее, он пользуется лапидарной поэтической формулой там, где Хомяков с ораторским пафосом щедро развертывает образ. Но есть между этими стихотворениями очень важное различие. Оно в постановке самой поэтической задачи. Хомяков, отвергнув «весь этот прах» силы и казенной славы, стремится начертать программу, четко сформулировать России ее призвание, определить, в чем должна быть ее истинная гордость. Он развивает свое утопическое представление об историческом религиозном предназначении России — ее мессианстве. Лермонтов взамен отвергнутых представлений о величии России не выдвигает новых и пишет только о том, что он в Родине любит. Эта кажущаяся «ограниченность» на деле обернулась неизмеримой широтой, свободой и непредвзятостью в отношении к самой жизни.

Когда от первой строфы «Родины», где речь идет о духовных, идеологических ценностях, поэт переходит к картинам природы, кажется, что и здесь есть традиционное для Лермонтова контрастное столкновение гармонии Вселенной и суетного мира человеческих страстей и мыслей. Но чем дальше, тем конкретнее делается лермонтовский пейзаж. На смену грандиозным картинам приходят будничные: проселочный путь и прозаическая телега. Это крестьянский пейзаж с упоминанием полевых работ («спаленная жнива»), с картинами мирного довольства («полное гумно», «изба, покрытая соломой»¹) и даже

¹ Изба, покрытая соломой, — тоже признак довольства, потому что бедствующие крестьяне в конце зимы скармливали соломенные крыши скоту и избы стояли раскрытые.

пляска «с топанием и свистом». Будничные, бытовые картины и до Лермонтова становились уже предметом изображения в поэзии. Но Лермонтов в этих картинах мирного труда и незатейливого отдыха сумел не просто дать бытовую зарисовку, но увидеть истинный облик Родины. В этом и было его великое поэтическое открытие.
